

ариса Анатольевна, у вас, я слышал, было трудное детство...

— Мы с мамой пережили блокаду, а папа в возрасте 27 лет и сестренка умерли с голоду. После блокады и эвакуации мы в Ленинград не вернулись — поехали к дяде в Таллин и стали там жить. В школе занималась в драмкружке. У нас был очень хороший руководитель — Иван Данилович Россомахин. Представьте себе, Виталий Коняев, Игорь Ясулович, Владимир Коренев и я жили на одной улице, учились в одной школе и занимались в одном драмкружке.

— Имея такой багаж, вы, наверное, без проблем поступили в театральный вуз?

— Сразу после десятилетки попыталась поступить в Ленинградский институт театра, музыки и кино, но была забракована. На экзамене предложили спеть что-нибудь. И я, как идиотка, заорала: «Легко на сердце от песни веселой...» Аккомпаниаторша сразу остановилась и ехидно так спросила: «Вы в какой тональности поете?» А я не знала, что такое «тональность». «В своей», — отвечаю. И мне сказали: «До свидания».

— И вы поехали во ВГИК?

— И я поехала в Таллин. Сначала меня взяли на фармацевтический завод, затем на кондитерскую фабрику «Калев» — зефирщицей — видеть с тех пор не могу зефир. Потом поступила в секретарши к министру здравоохранения, а чуть позже по совместительству стала работать манекенщицей, о чем мой министр не знал. Жили мы с мамой бедно, а тут по вечерам я из Золушки превращалась в принцессу, мне это чрезвычайно нравилось. Там, на подиуме, меня и заметили киношники. И пригласили на небольшую роль... певицы ночного кабаре в фильме «Незванные гости». Я страшно расстроилась: опять петь? Но не сказала, что петь не умею. И страшно обрадовалась, когда узнала, что мне нужно будет лишь шевелить губами. И, видать, хорошо «шевелила» — Герберт Раппапорт пригласил на одну из главных ролей в своем фильме «И в дождь, и в солнце».

— Уж теперь-то перед вами открылась прямая дорога во ВГИК...

— Кривая... По гроб жизни буду благодарна Лейде Лайус, она и сейчас работает кинорежиссером в Эстонии. Если бы не она... Это длинная история...

Лужина

Лариса

ЛУЖИНА

«У немцев, хоть и в ГДР, в отличие от нас, «секс был».

Я должна была лежать, правда, в плавочках, но все остальное открытое.

Стою, плачу...»

— А если в двух словах?

— Это было в 59-м. Лейда узнала, что Сергей Герасимов после первого семестра отчислил Олю Красину — она без его согласия снялась в «Пиковой даме» в роли Лизы — и еще одну девочку и решил добрать в свою мастерскую.

Однокурсники сразу стали опекать — они-то семестр уже проучились. Помню, подходит ко мне Жанна Болотова: «Ты молодец, что не красишь ресницы, Сергей Аполлинариевич очень не любит этого». Он не разрешал студенткам краситься, терпеть не мог челки: «Лоб надо открывать, а не закрывать, высокий лоб — это признак ума». Мы очень к нему прислушивались. Учился с нами один режиссер из Узбекистана, не назову фамилию, чтобы не обидеть. Так он взял и подобрал себе голову, чтобы иметь высокий лоб и понравиться Герасимову.

— Два окончив ВГИК, вы стали популярной немецкой актрисой, получили Национальную премию ГДР и премию «Золотой лавр телевидения». Как это произошло?

— Режиссер Иохим Хюбнер никак не мог найти исполнительницу главной роли для несовместного, чисто немецкого, пятисерийного телефильма «Доктор Шлюттер». И вот он увидел меня по телевизору в фильме «На семи ветрах» и сказал жене: «Смотри, вылитая Ева».

— Языкового барьера не было?

— Когда приехала в ГДР, два слова всего знала: шлаф ваген — спальня вагон. Я в первое время всего стеснялась, если слышала на съемочной площадке смех, принимала его в свой адрес, переживала.

Надо же, думаю сейчас, как изменился мир, насколько по-другому мы были воспитаны. Приятель мой на днях рассказал, как на кинопробах он подыгрывал в эпизоде, где его партнерша, молоденькая актриса, должна выйти из ванной. Не успел он, говорит, повернуться, а она уже в чем мать родила перед ним стоит. На пробах! Где не тело надо показывать, а хоть проблески актерского мастерства. А мы всего этого дико стеснялись. Я горькими слезами рыдала, когда надо было в фильме «На семи ветрах» до пояса раздеться на втором плане, спиной к камере, — моя Светлана мылась возле бочки с водой. Станислав Ростоцкий не

знал, что делать. Пригласил натурщицу. Я как увидела ее — и это моя Света! — со слезами сняла рубашку...

В «Докторе Шлюттере» тоже были проблемы, когда мне предстояло сняться в постельной сцене. У немцев, хоть и в ГДР, в отличие от нас, «секс был». Я должна была лежать, правда, в плавочках, но все остальное открытое. Стою, плачу. Режиссер и так и сяк. Всех, кроме оператора, удалили из павильона, а я никак не успокоюсь. Глотая слезы, объясняю переводчице: у меня маленькая грудь, если лягу на спину, ее совсем не будет видно. «Хорошо, — сказал Хюбнер, — пусть сидит». Села я, скрестив руки, и так вот меня и сняли.

Еще одна была смешная история в начальный период, когда я только начинала осваивать немецкий. Едем как-то с режиссером в трамвае — накануне смотрели с ним актрису из провинциального театра на эпизодическую роль. Изъяснялись мы с ним на якобы английском — в школе я его проходила, да и он ненамного лучше знал. Вот он и говорит, делаясь впечатлениями: «Зи хабен гут джоп» — хорошая, значит, работа. Я в ужасе: как он со мной разговаривает?! Значит, у нее, у актрисы, которую мы смотрели, хорошая ж..., а у меня, значит, плохая?! А я была тогда худенькая, тоненькая. Покрылась я красными пятнами, засверкала глазами, слова не могу вымолвить. И он смотрит на меня очумело, не может понять, в чем дело. Как он хохотал, когда через некоторое время я ему все объяснила.

— Потом вы вернулись в Союз, сыграли множество ролей... Лично мне запомнилась, может быть, и не лучшая — роль мамы Юрия Гагарина в

фильме «Так начиналась легенда»...

— Знаете, а я встречалась с Анной Тимофеевной, специально к ней ездила. Кстати, когда подъезжали к городу, подобрали голосовавшего пожилого уже мужчину, грибника. Разговорились, а он, оказывается, был приятелем Алексея Ивановича, отца Юрия Гагарина, ко-

торого к тому времени, в 76-м году, в живых не было. Спрашивает: «Лешку изобразите?» — «А как же». — «И это тоже?» — и выразительно щелкнул пальцем по горлу. «Действительно он был большим любителем?» — спрашиваю. — «Да что вы, мы с ним вместе. Но только по праздникам. Нет, только по воскресеньям». Потом сделал паузу и добавил: «И каждый день тоже». Мы посмеялись, и он потом рассказал, что они были на рыбалке, когда Юрий в космос полетел: «У нас был маленький приемник. И вдруг обрывают передачу и сообщают, что майор Гагарин... Я толкаю его: «Слышь, твой Юрка в космосе». — «Не, то не мой, мой еще лейтенант».

Сейчас вы живете...

— С мужем, Славой, Вячеславом Владимировичем Матвеевым, — мы с

ним познакомились на гастролях, он тогда администратором работал, организовывал поездки актеров с концертами, творческими встречами, — и сыном Пашей.

— Паша — актер?

— Нет, работает на «Мосфильме» и учится на звукооператора в Петербурге на киноинженерном, заочно, заканчивает уже. Его отец — очень известный оператор Валерий Шувалов, он снимал «Экипаж», «Интердевочку», «По главной улице с оркестром». Мы давно развелись, Паше было семь лет. По моей вине, он очень хороший человек, я влюбилась, вот и все.

— В вашего нынешнего мужа?

— Нет, в другого мужчину...

Так вот, говорила: «Паш, мол, ты во ВГИК поступишь? В

армию не возьмут...» На операторский толкала — поскольку в актеры он совершенно не хотел, это не для него. Он технарь, с детских лет любил конструировать. Не захотел, однако, во ВГИК.

— Пришлось, значит, служить?

— В Куйбышеве в стройбате, поскольку был негоден к строевой службе. Я просить особенно не умею. Да тут еще вспомнила историю с Михалковыми. Мне рассказывали, как Сергей Владимирович за своего внука Степана ходил просить, а генерал, оказывается, не любил его, взял и послал младшего Михалкова аж на Дальний Восток. Так что лучше иногда и не просить — не знаешь, на кого нарвешься. Единственно, кого просила, Бога — пусть даже в стройбате, но только чтобы в России, чтобы не попал в эти «горячие точки»...

— Как у вас с работой?

— Недавно Александр Михайлович Кравцов предложил мне играть главные роли в его театре «Мир искусства» в спектаклях «Материнское сердце» (по трем рассказам Шукшина) и «Последняя осень» (о последних днях Есенина). В родном своем Театре киноактера играю Квашню в «На дне». Последняя роль в кино — мать горничной в «Петербургских тайнах».

Странно: давно уже по-настоящему не снимаюсь, а люди помнят, узнают. Вчера еду на репетицию в театр, сажусь в автобус, и бабушка, маленькая такая, смотрит на меня добрыми такими глазками и говорит: «Вы тоже в автобусе ездите? А где же ваша машина? Скажите мужу, пусть вас возит, а то украдут...»

Владимир Коньков

